

В ДЕВЯТИ МИЛЯХ
ОТ ЖИЛИЩА
ДЬЯВОЛА

АНДРЕЙ ТЕРЕХОВ

18+

Андрей Сергеевич Терехов

В девяти милях от жилища дьявола

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28063355

SelfPub; 2022

Аннотация

Во время эвакуации Вера, бывший офицер разведки, обнаруживает мертвым человека, который хотел с ней встретиться. Экстренные службы не занимаются трупом, и она вынуждена сама разбираться с обстоятельствами гибели мужчины. С каждым витком расследования судьба незнакомца оказывается все сильнее связана с прошлым Веры.

В сборник также вошли новеллы "Прощай, детка, прощай" и "Черный георгин".

Содержание

В девяти милях от жилища дьявола	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Терехов

В девяти милях от жилища дьявола

В девяти милях от жилища дьявола

Если мы окружены крысами, значит, корабль не идет ко дну.

Э. Хоффер

*Блаженство – спать, не видеть злобу дня,
Не ведать свары вашей и постыдства,
В неведении каменном забыться...*

Прохожий, тсс... не пробуждай меня!

М. Буанарроти

Заскулил ветер и со скрежетом протащил по асфальту указатель "Направление эвакуации". Вера бросила на него сонный взгляд, обняла себя левой рукой, чтобы согреться, и быстрее зашагала в противоположную от спасения сторону.

Черные сапоги Веры шлепали по лужам и желтой хвое, правая рука – в черной, до локтя, перчатке с белым скорпионом – мешалась и била по бедру. Разум по привычке шифровал надписи на рекламных щитах: сегодня методом Тритемиуса. Буквы сдвигались с нормального алфавитного положения по формуле $s=2p*r + 4p + 6$ в зависимости от позиции в начальном тексте. "Е" от салона красоты "Ева" превращалось в "Р", "В" в "Ч", "А" в "Г". "РЧГ".

Длинная стрелка часов над Домом Союзов толкнулась в одиннадцать, и Вера как-то по-особому – спиной, плечами, затылком – ощутила вес осенней мглы, которая напознала на каменную набережную. Тяжелые порывы ветра били по лицу, окутывали сыростью с беспокойного вздутого моря. От натуги скрипели дряхлые лиственницы, и хлопали на стенах рекламные афиши; водосточная труба гудела низко-низко, будто контрабас. Иногда в этом дымящемся сумраке проступали одинокие фигуры, перечеркивали собой улицу и, как призраки, растворялись в сентябрьской ночи.

Мостовая свернула и пошла над волноотбойной стеной. Асинхронно, чудно зажигались чугунные фонари, и краем глаза – на границе света и тени – Вера замечала песчаную полосу, что рывками выбивала у моря водоросли, камни, груды оледенелого плавника. Линия горизонта таяла в мглистой зыби: тьма неба и тьма волн сливались в бесприютную черно-синюю бездну, из которой доносились стоны чаек, так похожие на младенческий плач.

За голенькими лиственницами мелькнул интернат для детей-инвалидов. Его эвакуировали в числе первых, и Вере, которая два десятка лет слушала здесь смех и лепет, стало не по себе. Она вспомнила, что через неделю или две эти камни под ногами, эти перламутровые окна, этот сонный город – всё – всё! – перемолотят потоки воды, и по телу пробежал озноб.

Вера миновала открытый штоф рома, который одиноко и тоскливо посвистывал на ветру, когда почувствовала чей-то взгляд. У основания волноотбойной стены, под лестницей, шевельнулась фигура. Вера прищурилась и заметила мужчину – он полулежал на песке и забавно пританцовывал. Ее это рассмешило. Пьяный, как весь город, подумала Вера. Кто-то заливал тревогу, кто-то потерю дома – большинство не понимало, что еще делать в преддверии конца.

Через несколько шагов Вера снова оглянулась на мужчину. Тот все танцевал свою диковатую, лежачую джигу, и Вера почувствовала, как улыбка постепенно сползает с ее лица. Она отвернулась и быстрее зашагала прочь.

Вера прошла по полупустому ряду с красными скидочными ценниками и остановилась в молочном отделе. Левой рукой она рванула пакет с бабины и, не отпуская, развернула – одними пальцами. Затем положила его на полку и левой же

рукой опустила внутрь бутылку молока и три глазированных сырка.

К товарной ленте нервно подбежала женщина с набитой тележкой, где громоздились консервы, макароны и рулоны туалетной бумаги. Запищал сканер кассира, но как-то размеренно, робко, так что покупательница не выдержала и сказала:

– Поскорее бы.

Кассир бросил на неё взгляд, сделал движение бровями. Чуть ускорился. Вера вздохнула и поставила свой пакет на металлическое ограждение конвейерной ленты.

– Вам премию дают за медленное обслуживание? – не унималась покупательница.

Вера закатила глаза и достала левой рукой наушники. Зубами и левой рукой размотала их, включила плеер. Заиграло грустное пианино, и улица за окнами магазина подтаяла, размылась за поволокой медленных мыслей, и тут рядом рвануло. Жуткий удар пронесся по полу, ввинтился в подошвы сапог, поднялся к черепу и завибрировал в костях, в зубах, выдавливая наружу глазные яблоки.

Вера, ничего не соображая, бросилась под товарную ленту и зажмурилась в ожидании нового залпа. В ушах стоял свист, который медленно перешел в высокую, пульсирующую ноту. Голова словно разбухла, и Вера изо всей силы прижала ладони к ушам, лишь бы заглушить мерзкий звук, лишь бы не дать костям черепа лопнуть.

– ...вушка? – донеслось извне.

Нота ушла вниз, и Вера подумала, что слышит окончание песни.

– ...контузия у нее, – прорвалось сквозь преграду из ладоней и свиста, – у брата моего такое после Чечни было.

Когда смысл слов дошел до Веры и раскаленным плащом накрыли смущение и стыд, она робко выглянула из-под товарной ленты. Несколько покупателей фотографировали Веру на телефоны, но никаких следов ракетного удара не было – только разбитая бутылка валялась на полу, и растекалась лужица, и пахло резко, горько. Водкой.

Вера неуклюже выбралась из-под ленты и хотела уйти, но в последний момент передумала. Не слыша музыки, заживо сгорая от стыда, Вера стояла в очереди, пока кассир не посмотрел выжидательно и не спросил:

– Здравствуйте. Пакет нужен?

Вера мотнула головой, и он достал бутылку молока, отсканировал. Вытащил сырок и показал взглядом на остальные.

– Одинаковые?

– А? – глупо переспросила Вера и тут же спохватилась: – Нет.

Кассир поиграл в воздухе пальцами и нажал клавишу «3».

– Пятьдесят девять.

– Но сырки, блин, разные?..

Кассир со вселенской усталостью посмотрел на Веру. Та ощутила всю мелочность и глупость разговора и только по-

вела плечами.

– Как хотите.

Левой рукой Вера полезла в карман, достала горку мятых бумажек и стала перебирать пальцами левой же руки в поисках полтинника. Получалось не очень.

– Я помогу, – сказал кассир и аккуратно вытащил десятку, затем полтинник. Показал Вере. Она смущенно кивнула и неуклюже вмяла остальные деньги в карман.

– С-спасибо.

Кассир пробил покупку и стукнул по тарелке для сдачи одиноким рублем.

– Вы ведь та... девушка?

Он кивком головы показал на руку в черной перчатке. Вера смутилась, на секунду замерла, а потом смела покупки в рюкзак.

– Я – Бэтмен, – прошептала она и поспешно вышла.

Мотор троллейбуса занудно гудел-вибрировал под ногами. Вера виском лежала на холодном стекле и скользила взглядом по мутным улицам, по салону. Редкие пассажиры смотрели подозрительно, настороженно; на кабине водителя пузырилось объявление:

"Городская транспортная система Северо-Стрелецка прекращает работу 2 октября 2014 года".

В этом сквозило нечто фатальное, без толики надежды. Второго числа остановятся автобуса, четвертого закроют продуктовые магазины и отключат электричество, пятого – город покинет последний житель. Через неделю или две Северо-Стрелецк сметет вода.

От этого знания в желудке неприятно, льдисто покалывало, будто Вера проглотила мертвого ежа. С этим ощущением она провела всю дорогу, с ним вышла из троллейбуса и вошла в подъезд. Тревога отступила только у почтового ящика, где Вера с удивлением обнаружила «Рубай» Омара Хайяма. Вере не раз присылали всякую порошню, но стихи ей подбросили впервые. Что удивляло, книга пахло книгой, а под снежно-белой обложкой шелестели обыкновенные бумажные листы. Никакого подвоха, никакой гадости и размашистое "от М" на переднем форзаце. Вера ядовито улыбнулась – она мечтала о душевном подарке от Германа, а получила черти чью арабскую лирику.

Сунув книгу в зубы, Вера захлопнула ящик и пошла на третий этаж – к двери с табличкой:

"Коробка боли N 302

С просьбами идите на хрен".

Когда Вера уже открыла верхний замок, из соседней квартиры послышался лязг. Она напряглась, замерла на секунду, а потом стала перебирать связку пальцами левой руки, чтобы быстрее оказаться дома.

– Вера Павловна, – проскрипел старческий голос.

Не успела. Вера неохотно повернулась к соседу, подняла руку с ключами и замычала в знак приветствия. Ответить она не могла, ибо арабская поэзия все так же сковывала зубы.

– Тут вас мужчина искал, – недовольно проговорил старик. Формально в словах ничего обвиняющего не было, но звучало это именно как обвинение – не то в разврате, не то в чем-то еще. Вера почувствовала, как ее губы, несмотря на книгу, растягивает улыбка, и промычала вопросительно.

– Часов в десять, – пробурчал сосед. – Лет сорока. Вес из себя...

Вера снова промычала – на этот раз благодарно, и старик, недовольно посмотрев в ответ, ушлепал к себе. Она последовала его примеру.

Квартира Веры имела вид старой, но дружелюбной особы. При первом взгляде казалось, что вот-вот из-за угла выглянет мурка и потянется, замяучит, потрется о ноги. Но кошка не появлялась, и со временем у любого гостя возникало ощущение ненасытной черной дыры, которая затаилась промеж сонных комнат и засасывала все живое.

Девушка в зеркале прихожей задумчиво потерла лоб ключами, вытащила обслюнявленную книгу изо рта и положила на тумбочку.

Герман заходил к ней?

Каменный истукан сдвинулся?

Ура?

Вера осторожно улыбнулась своему отражению, и рыже-

волосая девушка из зазеркалья улыбнулась в ответ. Что-то вспыхнуло, затлело в глазах хищной птицы, заблестели колечко в носу и шарик под тонкими губами. Сегодня Вера одела себя в синие джинсы, черные сапоги и вязаную фиолетовую кофту, пропахшую нафталином. Под кофтой белела кружевная блуза под XIX век – с высоким воротником-стойкой, который скрывал шрамы от шрапнели на шее. Из правого рукава, точно ядовитое жало, выглядывала затянутая в перчатку "конечность".

Герману не нравилось, как Вера одевалась, и она не раз читала приговор в его взгляде: мол, кофта старомодна, гвоздик вызывающий. Когда это молчаливое осуждение надоело, Вера нашла еще более старомодную блузу и еще более вызывающее колечко в нос. Герман, конечно, остался недоволен – ну и черт с ним.

Телефон не показал пропущенных вызовов, и Вера открыла форзац томика. Хотелось увидеть там «От Г.», но нет – даритель явно носил другое имя.

Миша?

Маша?

Вера тяжело вздохнула и закрыла глаза.

– Вера Павловна, не сходите с ума. Договорились?

«Вера Павловна» кивнула сама себе и занялась ужином. Она то и дело проверяла сотовый – нет звонков, нет звонков, НЕТ! ЗВОНКОВ!!! – пока не захотелось сделать первый шаг самой, но Вера держалась три недели и рекорд сохранила.

К полуночи ее охватило раздражение. Мобильный дремал, по радио, "тв" и на новостных сайтах говорили только об эвакуации, о плотине. Вера выключила телефон и плотнее занялась сувениром "От М". Это было издание "Рубайат" на двух языках – творение Омара Хайяма напечатали в переводе и на фарси. Ничего интересного Вера в сборнике не увидела: милые, старозаветные четверостишья, на втором десятке которых она и заснула.

Утром Вера долго лежала с закрытыми глазами – чувствуя с каждым вдохом и выдохом груз «Рубайат» на животе. Затем она протянула левую руку за телефоном и боязливо посмотрела на экранчик. Ничего нового утро не принесло. Герман не звонил, и только короткое сообщение от сотового оператора напоминало время и место эвакуации. Вера, не глядя, сунула мобильный обратно на стол. Что-то задела, и на пол грохнулась молоденькая Вера – в форме военной разведки, в деревянной рамочке.

Горло стиснуло, но Вера не далась эмоциям. Она умылась и приняла душ, не снимая с правой руки черной перчатки, затем организовала на кухонном столе "лабораторию": баночку с жёлтым лаком для ногтей, пилочку для ногтей, маленькие ножницы для ногтей, триммер для кутикулы, упаковку влажных салфеток и еще с десятков кремов, протилок

и мазей.

Когда Вера села за стол, в солнечном сплетении что-то натянулось, напряглось. Она посмотрела на перчатку, задержала дыхание и дернула черную ткань. Показалась смугловатая кожа. Ниже локтя шел кольцевой шрам, пальцы казались длиннее и красивее, чем на левой руке. На ногте безымянного желтел полустёртый скорпиончик, нарисованный лаком.

Вера гармошкой уложила перчатку на стол, достала левой рукой влажную салфетку и протерла смугловатую кожу. Подстригла и отшлифовала ногти, удалила кутикулу. Обвела желтого скорпиончика и стала ждать, пока лак высохнет.

Вера делала так с трансплантации – одевала и умывала донорскую конечность, как ребенка, стригла ногти на непривычно длинных аккуратных пальцах, но чужая рука оставалась до отвращения чужой. Где-то внутри не отпускало странное ощущение, что однажды Вера вернет эту штуку – как возвращают арендованный лимузин или квартиру, – но хозяин все не приходил и не приходил, и не приходил.

Вера подула на желтого скорпиончика и натянула черную перчатку обратно. Напряжение ушло.захотелось кофе, сырков, и не прошло десяти минут, как по кухне поплыл дразнящий аромат, а в турке поднялась коричневая пенка.

Вера достала из холодильника вчерашние покупки и налила в кофе молоко. Закрыла глаза, отпила. На языке стало неприятно-кисло. Вера бросилась к раковине и выплюнула остатки месива. Промыла рот, схватила бутылку и поняла,

что срок годности молока закончился три дня назад.

Холодало. Сырой ветер без устали разбрасывал мусор, который больше не забирали из контейнеров. Море двигалось тяжело, натужно, будто у него началась одышка, и порой стеклом замирало у берега. Вчерашняя певичка-бутылка пропала, но пьяница еще лежал под лестницей. Его подбородок облюбовала чайка и с нескрываемым любопытством заглядывала мужчине в рот.

Вере сделалось не по себе. Она остановилась и посмотрела внимательнее – человек не двигался, только рубашка и брюки вздувались от ветра. Вера оглянулась, сказала себе "это не мое дело" и поспешила прочь, к магазину.

Двери продуктового оказались закрыты. Вера приставила ладони к витрине и вгляделась в темноту помещения. Смутно виднелись пустые ряды – будто за ночь и утро все окончательно смели. Вера снова дернула ручку.

– Эй!

Она двинула ногой по стеклу.

– Эй! Вы мне, блин, молоко просроченное продали!

Никто не появился, не отреагировал. Тёмный, пустой магазин глядел угрюмо, недобро, и Вера ни с чем зашагала домой. Внутри росли два противоположных чувства: раздражения и страха. На береговую линию она старательно не

смотрела, но у лестницы не выдержала – мужчина по-прежнему, деревянной колодой, валялся на песке.

Вера поискала взглядом прохожих и, нервничая все больше, спустилась с волноотбойной стены. Под ногами захрустел песок, она приблизилась к пьяному, который оказался долговязым мужчиной лет сорока. Рыжие волосы на висках уже тронула морозцем седина, одет незнакомец был крайне опрятно, будто английский денди. Вера тихо позвала:

– Эй, из нирваны?!

Рот незнакомца полужевал-полуулыбался. Одна рука вытянулась вдоль тела, другая уперлась в песок, точно мужчина вставал. Серые глаза, мутные и впалые, не шевелились. По спине Веры пробежал холодок, она брезгливо поискала пульс на ледяном, одеревенелом запястье. Безуспешно. Попробовала найти яремную вену, но биение не чувствовалось. Вера взмокла.

– Да чтоб тебя. Блин. Блин.

Для проверки Вера постаралась нащупать пульс у себя, но ничего не получалось, накатывал дикий страх. Наверху по набережной шла пара с огромными тюками, и Вера позвала, сбиваясь:

– П-послушайте? Вы не... Тут, кажется, человек умер, я не могу найти пульс.

Мужчина приостановился, но спутница дернула его за рукав, и оба скрылись за интернатом.

Вера посмотрела в отчаянии на труп, собралась с мысля-

ми и достала сотовый. Куда звонить? Она ткнула "1", "0", "3", "вызов", и гундосый женский голос сообщил:

– В связи с чрезвычайной ситуацией все звонки переводятся на колл-центр Северо-Стрелецкого штаба эвакуации.

Прозвучал гудок. Щелкнуло и зашипело.

– Вы позвонили в единый колл-центр Северо-Стрелецкого штаба эвакуации, – сообщил другой голос, более молодой и теплый. – Нажмите на клавиатуре в режиме тонального набора цифру «1», если у вас есть вопросы о дате и времени отбытия. Нажмите «2», если вам требуется оказание скорой медицинской помощи. Нажмите «3», если потерялся кто-то из ваших близких. Нажмите «4», чтобы вас соединили с оператором.

Вера после некоторых сомнений ткнула «2».

– В настоящее время все операторы заняты. Оставайтесь на линии. Вы... 41 в очереди. Ориентировочное время ожидания составит... 23 минуты.

Заиграла классическая музыка. Вера осознала, что в эту самую минуту сорок человек звонит в скорую помощь и почувствовала холодок страха. Казалось, что-то темное, злое движется извне, но Вера не стала ждать – упрямо сбросила вызов и снова набрала номер службы спасения. На этот раз в ход пошла цифра «1».

Потянулись гудки.

– Йоу, Евгений, – раздалось неожиданно в трубке. – Че по чем? Год рождения и фамилия.

– Я... – Вера растерялась и на всякий случай проверила номер.

– Аллоэ? – снова подал голос «Евгений».

– Я в скорую звонила, да-да. Я не о себе, тут человек, ну, умер. Я пульс не...

– А погромче?

– Человек умер!

– Прикрой микрофон от ветра.

– Умер! Дух испустил!

– Че испустил?

Вера не выдержала:

– Окочурился! Скапустился! Отдал Богу душу. Сыграл в ящик. Отправился в тридешатое царство. Врезал дуба. Приказал дол...

В трубке тяжело вздохнули и сказали "Ох еперный".

– Так что?

– Год, цыпа...

Она глубоко вдохнула и не ответила на "цыпу".

– Я не знаю, какого он года. Лет сорок. Пятьдесят. Не знаю.

– Твой год, цыпа.

– Ка... Какое это имеет отношение? На Северном пляже у волноотбойной стены лежит мужчина, просто заберите его и, – Вера замялась, – ну, сделайте, что-нибудь, да-да.

– А теперь могу я услышать год твоего рождения?

– Восемьдесят седьмой, блин, Воронцова!

Вера сердито посмотрела на телефон.

– Воронцова Вера Павловна, – из динамика послышалось клавиатурное крещендо, – есть. Уезжаешь на пароме, 5-го в 17:30, 3 причал, не проспай, цыпа. При посадке на паром при себе иметь доку...

– Бла-бла-бла. Вы заберете жмурика?

Некоторое время в трубке царило молчание.

– Это твоя родня испустила... ммм, умерла?

– Нет, какой-то мужик. Вчера он танцевал, – не к месту добавила Вера.

– Тогда оставь.

Она растерялась и спросила едва слышно:

– Что? Господи, вы его заберете?

– Цыпа, ты новости смотрела?

– Это что, социологический опрос?! Где вас так разговаривать учили вообще?

Евгений немного помолчал.

– Волонтеров не учат, – сухо и раздраженно сказал он. – Они сами вызываются и делают так, чтобы учёные цыпочки не попали в беду. Уж извини, если говорю не так, как тебе нравится, но по-другому не умею.

Вера смутилась.

– 5-го в 17:30, – повторил Евгений. – Третий причал. Паспорт, полис.

– Да отстаньте вы со своим...

Но Евгений уже отключился, и звучали гудки.

Вера в раздражении уставилась на сотовый, на мертвеца. До чего же опрятно выглядел мужчина: белая рубашка, красно-синий галстук, коричневые брюки, туфли, носки. В стороне грязным сугробом лежали вязаный свитер и пиджак – того же кофейно-клетчатого окраса. Одежда мужчине удивительно шла, будто ее шили на заказ.

Вера не понимала, что случилось с веселым незнакомцем. Приступ? Инсульт? Слишком много выпил?

Впрочем, какая разница.

– Мои глубочайшие извинения, – Вера показала левой рукой на правую. – Ну не мне же, в самом деле...

Вера в нерешительности пошла к лестнице и оглянулась только на втором пролете – где в нише волноотбойной стены приютилась скамейка. Почему мужчина сел на песок? Вера решила, что он спускался с набережной, откуда не заметил лавку. Да и наверняка окосел от выпивки.

– Не ваше это дело, Вера Павловна, да-да.

Вера сидела на кровати прямо в одежде. Она начала снимать шарф, да так и забыла, начала снимать рюкзак и опять забыла – все потому, что включила телевизор. Там по всем каналам крутили одно и то же: причал с птичьего полета, со стороны города, с паромов. Снова и снова наезжали скорые, полиция, кто-то рыдал. Мелькали тела, размытые пикселя-

ми; кровь в темно-бордовых лужах.

"... давки на шестом причале погибло сорок семь и тяжело пострадали сто девять человек... благодаря оперативно-му руководству главврача 4 горбольницы Германа Миновича Неизвестного удалось свести число жертв до минимума... Главным управлением МЧС России по Архангельской области принято решение о введении в Северо-Стрелецке режима чрезвычайного положения с 10:00..."

Вере стало дурно. Она побрела на кухню и заварила чай, но уже через минуту о нем забыла: представила день пятого октября, когда потянется очередь на последний паром. Что случится там?

Мысли то и дело возвращались к Герману, который проявил себя в такой непростой ситуации, и Вера почувствовала неподдельную гордость. Воскресила в уме его лицо, которое за последнее время слегка подернулось рябью и размылось. Выглядел Герман лет на сорок: подтянутый мужчина с уверенными чертами. На лбу и в углах губ наметились морщины, смотрел он пристально, холодно, с прищуром. В минуты радости на щеках проступали ямочки, но глаза не улыбались никогда – точно у фокусника, который отвлекал зрителя, пока проворачивал трюк. Вера годами размышляла, что за трюк Герман проворачивал с ней, но так и не поняла.

Она закурила, улыбнулась воспоминаниям – вот, вот оно! Будто секунду назад Герман входил в ее больничную палату и предлагал операцию! – и не выдержала, позвонила.

– Говори.

Округло и сухо, будто Герман не дышал ей в лицо горячим воздухом и не вдавливал ее тело своим в потные простыни.

– Ты заходил?

Вера снова против воли улыбнулась, но тут же уголки губ потянуло вниз – в динамике раздалось бесцветное "нет".

– Не заходил? Ну ты чего?

Ее обдало холодом, вспомнились слова старика-соседа. Если не Герман, то?.. Кто?

– Я не помню, где ты живешь, – Герман помолчал. – Что с рукой? Ты делала физиотерапию?

Вера ничего не понимала. Она бездумно подняла "насадку" и с трудом, со скрипом натянутой перчатки сжала чужие пальцы.

– Вера?

Мужчина лет сорока искал ее. Мужчина лет сорока.

– Вера?!

– Физиотерапия? Я... да, мне надо бежать, да-да. Я рада была слышать твой голос.

Вера зажмурилась и сбросила вызов.

Да, Герман пришивал эту руку – все нервы, сосуды и связки, – но иногда казалось, что судьба трансплантата волнует его больше, чем судьба хозяйки. А кем бы он стал без Веры, без ее изуродованного тела? Никому не известным докторишкой из никому не известного городка. Ни интервью по CNN, ни оборудования, ни поста главврача – ни-че-го. Мел-

кая серая жизнь.

В который раз вспомнилось, что тогда, в больнице, Вера и не думала ложиться на операцию. Хотелось увидеть снова Германа, не больше, а он пришел бы только, если бы она согласилась. Ну и – да, да! – она, конечно, согласилась. Совершила детскую глупость, поддалась на обаяние, на ледяной германовский магнетизм, и теперь цена этой "детской" глупости мертвым грузом висела на правом плече.

Вера повела им, отгоняя раздражение. Кто же искал ее? Ноги будто сами потянули Веру к соседской двери.

– Как выглядел тот мужчина? Когда он был?

Длиннющий, белый как смерть, рыжий. Приходил около восьми-деяти, когда Вера еще гуляла.

У нее заколотилось сердце.

– Коричневые штаны, белая рубашка, красно-синий галстук?

Увы, она не ошибалась.

Соленый влажный ветер взбивал волны и песок в грязную пену. На пляж надвигался с приливом властный, монотонный гул – разрастался, разбежался по берегу и с утроенной силой вышибал эхо из волноотбойной стены.

Вокруг тела бродили взъерошенные чайки и плаксиво выкрикивали. Вера изучала худое треугольное лицо мертвеца

– кожа бледная, голубоватая – и ничего не чувствовала. Она его не знала: ни тонкого носа, ни близко посаженных карих глаз. И гладко выбритый подбородок, и перевернутые груши ушей – все было незнакомо.

Вера поборола брезгливость и левой рукой обыскала труп. Ноль документов, ноль денег, узкая металлическую расческа, спички и "ТАТ" билет на две поездки. Будто у мертвеца в карманах пировало воронье и растащило самое ценное по гнездам.

– Да кто же ты?

Из пиджака Вера вытащила сигареты "Somerton", таблетки "Новодигал", жвачку "Juicy Fruit" и еще один билет (его купили в 6:10 утра) – на электропоезд от центрального вокзала до станции "Северная сортировочная". Километрах в полутора от дома Веры.

Торговый представитель или сектант? Она пожала плечами и в замешательстве осмотрела берег, набережную. Прохожих видно не было.

Вера собралась с духом и неловко, одной рукой, попыталась сдвинуть тело. Ничего не получилось, мертвец будто врос в песок. Вера потянула изо всех сил – и снова безуспешно.

От напряжения стало жарко. Вера в который раз оглянулась в поисках помощи, вздохнула и ухватилась за одежду трупа и правой, и левой рукой.

– Блин. Блин!

Чужие пальцы бессильно соскользнули с ткани, и Вера шлепнулась на песок. Отчаяние и раздражение кислотой хлынули в грудь.

– Да пошли вы все!

Вера резко встала и пошла к своему дому. Там она разблокировала "шкоду" со значком инвалида, настелила на заднее сиденье газеты и поехала обратно к пешеходной набережной. Достала из багажника тросик, прицепила его сзади к машине и размотала. Все – левой рукой. Свободный конец троса Вера протянула к мертвецу и обвязала вокруг его ног.

– Извините. Как говорится, чем богаты, тем и...

Вера поднялась на набережную, залезла в "шкоду". Включила зажигание. Мотор загудел, автомобиль покатиł вперед, и в зеркале заднего вида стало видно, как натягивается и дрожит трос. За ним медленно, словно какой-то червь, выползло на променад окоченевшее, грузное, зловещее тело.

Улицы затопил гнилой листопад, сонно посвистывал ветер. Шестая и первая больницы не работали, так что Вера против желания ехала к Герману. Иногда она посматривала в зеркало заднего вида, словно труп мог выпасть, но он только подрагивал на неровностях дороги. При этом голова мужчины странно наклонилась, и Вере нестерпимо хотелось самой хрустнуть шейей – потому что живой человек ТАК не смог

бы лежать.

Навстречу побежала бесконечная улица кафе – вся в погасшей лапше из неоновых трубок, – юркнула в сторону и пропала. Дома опустились ниже уровня дороги, и открылись пустыри вокруг четвертой больницы. Веру пробрал озноб, на языке возник неприятный металлический привкус: от шлагбаума тянулись ряды мертвецов – под грязными, в кровавых пятнах, простынками. Злой ветер дергал и надувал их жуткими волдырями, а промеж этих волдырей ходили врачи. Поодаль тарыхтел "КАМАЗ" с брезентовым кузовом, в который, как мешки с песком, закидывали проверенные тела.

«Скорые» до сих пор доставляли пострадавших с причала, и дальше вестибюля больницы не пускали. Левая стена (стена тщеславия, как мысленно обозвала ее Вера) пестрела наградами Германа и его фото с пациентами. Среди них Вера нашла себя: бледную, непричесанную, с неприкрытыми шрамами на шее и ключицах. Она смотрит на Германа, а тот, как обычно, в космос или внутрь себя. Надпись на золотой табличке была под стать: «Пациентка Г.М. Неизвестного после первой в мире операции по пересадке руки».

Постовая медсестра не без раздражения выслушала Веру и перенаправила тело в городской крематорий.

– Сейчас всех сжигают, моргам запретили принимать тела. Ну, или оставьте у ворот, там отвезут, как проверят.

– А опознание? Или что вы там, блин, делаете? Родственникам сообщить?

– В кре-ма-то-рий, – как для глупой повторила медсестра.

Вера поморщилась от досады и поднялась к Герману. Перед его кабинетом сидела лощенная дева-референт, и Вера неприятно поразилась, насколько та моложе и красивее самой Веры.

– Он занят, – предупредила дева. – Куда вы? Эй! Дамочка!

– Бла-бла-бла, – сказала раздраженно Вера и боком протаранила дверь. В голову лезли предрассудки о романах начальников и секретарш, а потом все оборвалось – Вера увидела Германа. Он устало срезал мертвые листья у здорового цветка и на гостей никак не реагировал.

Сзади лаяла что-то дева-референт, но Вера вытолкала ее и закрыла дверь. Герман вздохнул, оглянулся.

– Привет, – робко сказала Вера. Он ответил бесцветным «Говори» и снова занялся цветком.

– У тебя в больнице работает хоть кто-то? Твои жабы меня не слушают.

Некоторое время в кабинете царило молчание, и Вера подумала, что Герман уснул стоя.

– Ты снова говоришь шифровкойми? – наконец задал он вопрос.

– Что? Нет, это открытый текст. Я привезла труп.

– Зачем?

Герман положил ножнички и отошел к раковине, где стал смешивать с водой удобрение. Вера почувствовала, что теряет контроль над голосом.

– Затем! Я нашла труп и хочу, чтобы ему все провели... нормально. Опознание, блин, похороны, все-такое... Вы, что тут, спите все?

Герман выключил воду и поболтал смесь, чтобы лучше размешать.

– В крематорий.

– Ты изде...

– Вера, – Герман подошел к цветку и стал понемногу поливать, – отвези тело в крематорий...

– Можешь ты на секунду отвлечься от этого фаллоса?

– ... затем вернись домой. Поешь. Соберись. Жди очереди на эвакуацию. Сейчас надо разбираться с живыми.

– Типа этого фаллоса? Так ты разбираешься? Не говори со мной как с ребенком.

– Так не веди себя как ребенок.

Вера стиснула зубы и хотела уже выйти, но вдруг сорвалась – шагнула к цветку и одним движением выдрала из горшка.

Герман по инерции еще несколько секунд лил удобрение, затем моргнул и замер. Вера подняла растение выше, словно воин, который демонстрировал сердце, вырванное из груди врага, но Герман только устало вздохнул. Вера засопела и, роняя комья земли на новенький линолеум, ринулась прочь из кабинета.

Мелькнули дева-референт, холодный коридор, провонявший хлором. Какая-то лестница, какая-то дверь. Сердце ко-

лотило в ребра, лицо пульсировало, горело. Правая рука до скрипа перчатки сжимала несчастное растение, и, едва Вера это осознала, чужие пальцы разжались и фаллосоподобный цветок вырванной рукой шлепнулся на пол.

Веру передернуло от этого сходства в звуках. Она снова куда-то пошла – прочь, прочь, – пока не оказалась в корпусе прозекторского отделения. Табличка на одном из кабинетов рекламировала некую "Сундукову Лидию Михайловну, д.м.н".

Внутри обнаружился божий одуван лет семидесяти, и Вера решила на последнюю попытку:

– Я не из полиции, вообще ниоткуда. Он вчера приходил ко мне, а потом, уфф, умер, а я... я так не могу, как те мешки. Я заплачу, просто успокойте меня и скажите, что все делаете с ним по-человечески. Я звонила в штаб-эвакуации, но там какой-то идиот. Я просила на посту, но... Вы сделаете? Я заплачу – тысячу, две, три. Только по-человечески, не как... мешки...

Вера достала кошелек и посчитала деньги.

– С собой пять тысяч шестьсот пятьдесят восемь и 70 копеек, но остальное я привезу. Или перечислю. Или...

Лицо Лидии Михайловны, прежде удивленное, слегка подоброло.

– Золотце, это тебе руку Герман Минович пришивал?

Вера неопределенно повела плечами.

– Ясненько. Выходит, ты миротворец?

Стало неудобно. В голове мелькнула картинка: почерневшая воронка, на дне которой – отдельно от Веры – валяется рука. Свинцовыми пчелами жужжат пулеметные пули; стоит запах горелой земли и горелого мяса, в ушах звенит, и кто-то рядом повторяет с акцентом вопрос – миротворец Вера или нет.

– Это... это журналисты придумали.

– Ясенько. Ясенько. Ну что... тысяч за семь я все устрою.

Веру сумма ошеломила.

– Нет. Тогда не надо, – она вспомнила лежачий танец незнакомца. – Или... Ну... Господи, я не знаю. Десять. И вы сделаете при мне вскрытие и упокоите меня, что это естественная смерть.

Лидия Михайловна пристально смотрела на Веру, будто не до конца верила в реальность происходящего.

– Что ж, тащи.

– Сама?

– Золотце, ты видишь здесь кого-то еще?

Вера не без труда привезла тело и стала ждать. Разум одолевали сомнения: зачем возиться с чужим трупом, спорить, тратить такие суммы? На кой черт? Глупо. Глупо! Вера уже подумывала, не остановить ли старушку, когда Лидия Михайловна заметила:

– Что-то знакомое лицо у твоего друга.

– Он не друг. Вы его знаете?

– Золотце, когда каждый день кого-то потрошишь, – Лидия Михайловна с хрустом раскрыла грудную клетку мужчины, – кажется, что все встречные тут побывали. Выключи тягу в соседнем кабинете, душно.

– Господи, у меня так же с текстами. В каждом вижу зашифрованное послание. Вот если раскодировать вашу фамилию с ключом "смерть" по таблице Виженера, то получится "аживу". Почти что "А ЖИВО", да-да.

– Золотце, тяга.

Вера выключила ее и бродила по холодной белой больнице: то порывалась зайти к Герману, то курила – а пачка таяла будто снег, – то читала в машине "Рубай", но не понимала их смысл. Тонкий-тонкий намек, который шел с первых же строк, но никак не постигался.

Ожидание в очереди к зубному, когда у тебя ничего не болит. Умер чужой человек, ну, какая разница? Никакой, а гнетет, свербит, почти требует.

Около трех Лидия Михайловна позвала Веру.

– Вещи возвращаю тебе. Материалы для лаборатории передадут через эвакуационный санпост в третью горбольницу Синего мыса. Здесь уже ничего не работает. Напиши телефон для них. Фото и копию отчета отправлю в полицию, но искренне сомневаюсь, что они сейчас будут этим заниматься.

Вера написала сотовый, затребовала себе копию посмертного фото, и Лидия Михайловна озвучила заключение:

– Организм, в целом, в хорошем состоянии. Внешне: развитые икроножные мышцы, как у бегуна. Деформированные из-за узкой обуви стопы. На плече – татуировка летучей мыши.

– Военная разведка?

– Тебе, золотце, лучше знать. Кровь прилила к голове, глотка и пищевод распухли, покрылись язвами и белым налетом. Смерть наступила между 22:00 и 24:00 вчера (Вера вздрогнула – она проходила мимо около 23:00). Причина – сердечная недостаточность. Что еще... Имеется порок межпредсердной перегородки. ЖКТ: в желудке смешивание крови с остатками пищи. Кровь, скорее всего, из пищевода, пораженного рвотными массами. Воспаление второго отдела двенадцатиперстной кишки. Воспалены обе почки, в печени переизбыток крови в сосудах. Селезёнка превышает нормы по размерам в 3 раза. Признаки острого гастрита. Последнее, что он ел за 3-4 часа до смерти, это пирог с овощами и мясом. Аспирационный отек легких, в дыхательных путях рвотные массы. Остальное – в лаборатории. Или еще что-то? Ммм, нет, вроде бы, все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.